МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. Бахтигараева[1]
Институт национальных проектов
(Москва, Россия)

В. А. Брызгалин[2]
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт национальных проектов
(Москва, Россия)

Е. Н. Никишина[3]
МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт национальных проектов
(Москва, Россия)

Н. А. Припузова[4]
Институт национальных проектов
(Москва, Россия)

УДК: 338.246.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Существуют многочисленные свидетельства связи между культурой (или социокультурными характеристиками, под которыми в данной статье понимаются ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени) и экономическим и инновационным развитием. Большинство социокультурных исследований на настоящий момент проведено на уровне стран. В то же время остается недоисследованным вопрос о существовании межрегиональных культурных различий, особенно внутри стран, обладающих большой территорией и значительным этническим и социально-экономическим разнообразием (в частности — в России). Цель данной статьи – определить наличие или отсутствие различий в социокультурных характеристиках по Г. Хофстеде между отдельными регионами России. В качестве эмпирической базы используются данные репрезентативных социологических опросов в 14 регионах России, собранные Институтом национальных проектов (ИНП) и Российской венчурной компанией (РВК) в 2018–2020 гг. Резуль-

[1] Бахтигараева Асия Инсуровна — ведущий специалист научно-методического отдела, Институт национальных проектов; e-mail: a.bahtigaraeva@inp.ru, ORCID: 0000-0002-3907-6884.

[2] Брызгалин Виктор Аркадьевич — ведущий специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов, ассистент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: v.bryzgalin@inp.ru, ORCID: 0000-0002-3613-7004.

[3] Никишина Елена Николаевна — к.э.н., доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, директор по стратегическому развитию Института национальных проектов; e-mail: enikishina@inp.ru, ORCID: 0000-0003-1327-1048.

[4] Припузова Надежда Анатольевна — генеральный директор Института национальных проектов; e-mail: n.pripuzova@inp.ru, ORCID: 0000-0002-8213-0428.

таты эконометрического анализа («экологический подход») и однофакторного дисперсионного анализа показали существование социокультурных различий по методике Г. Хофстеде между российскими регионами по показателям индивидуализма и дистанции власти (относительно более выражены) и по избеганию неопределенности и долгосрочной ориентации (относительно менее выражены). По характеристике маскулинности статистически значимые различия между регионами исследования не обнаружены. Регионы группируются в кластеры по социокультурным признакам, при этом тяготение конкретных регионов друг к другу не объясняется по отдельности географическими, социально-экономическими или этническими факторами. Полученные результаты могут быть полезны при анализе социокультурных «драйверов» и барьеров развития регионов, а также при институциональном проектировании, повышении эффективности работы формальных институтов за счет учета социокультурных особенностей жителей разных регионов.

Ключевые слова: культура, ценности, регионы России, Хофстеде.

Цитировать статью: Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Никишина, Е. Н., & Припузова, Н. А. (2021). Социокультурные особенности регионов России: общее и различия. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, (5),* 29–51. https://doi.org/10.38050/01300105202152.

A. I. Bakhtigaraeva
Institute for National Projects
(Moscow, Russia)

V. A. Bryzgalin
Lomonosov Moscow State University, Institute for National Projects
(Moscow, Russia)

E. N. Nikishina
Lomonosov Moscow State University, Institute for National Projects
(Moscow, Russia)

N. A. Pripuzova
Institute for National Projects
(Moscow, Russia)

JEL: B410, D910, Z100, Z130

SOCIOCULTURAL SPECIFICS OF RUSSIA'S REGIONS: COMMON FEATURES AND DIFFERENCES

There is abundant evidence of the correlation between culture (or sociocultural characteristics, by which we mean here values and behavioral attitudes shared by a certain community and changing slowly over time) and economic and innovation development. At present most studies have been carried out at national level. At the same time, sociocultural differences within the countries with a large territory and significant socio-economic and ethnic diversity (Russia, in particular) are understudied. The subject of the research is the differences in socio-cultural characteristics between Russia's regions. The purpose of the paper is to determine the presence or absence of differences in socio-cultural characteristics according

to G.Hofstede between the regions of Russia. The empirical basis for the study is data from representative polls, collected by the Russian Venture Company and the Institute for National Projects in 14 regions in 2018–2020. Econometric analysis (ecological approach) and univariate disperse analysis shows the existence of sociocultural heterogeneity between Russian regions measured with Hofstede characteristics: individualism and power distance (more pronounced differences) and uncertainty avoidance and long-term orientation (less pronounced differences). Statistical differences between regions in masculine dimension are non-existent. Regions tend to form sociocultural clusters that are not explained by geographic, socio-economic or ethnic factors separately. The results are useful for the analysis of sociocultural drivers and barriers for regional development, as well as for institutional design, raising efficiency of formal institutions by harmonizing them with regional culture.

Keywords: culture, sociocultural differences, values, Russian regions, Hofstede.

To cite this document: Bakhtigaraeva, A. I., Bryzgalin, V. A., Nikishina, E. N., & Pripuzova, N. A. (2021). Sociocultural specifics of Russia's regions: common features and differences. *Moscow University Economic Bulletin*, (5), 29–51. https://doi.org/10.38050/01300105202152.

Введение

Несмотря на то что в современном мире культура (или социокультурные характеристики, под которыми в данной статье понимаются ***ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени)*** уступает по значимости социально-экономическим, политическим и другим факторам, ее связь с экономическим и инновационным развитием доказана многочисленными исследованиями (Algan, Cahuc, 2014; Fernandez, 2011; Лебедева, Ясин, 2009; Аузан и др., 2020).

Большинство социокультурных исследований на настоящий момент проведено на уровне стран, что во многом объясняется наличием соответствующих данных, например, по методике Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Р. Инглхарта и др., и недостатком подобного рода данных на региональном уровне[1]. В то же время для стран, обладающих большой территорией, значительным культурным и социально-экономическим разнообразием, можно ожидать существование межрегиональных культурных различий внутри страны. Такого рода различия по методике Г. Хофстеде зафиксированы, например, в исследованиях по отдельным регионам Бразилии (Hofstede et al., 2010), России (Дубицкая, Тарарухина, 2003; Латов, Латова, 2005) и др. Региональные социокультурные различия фиксируются также в рамках реализуемой с 2005 г. программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» под руководством Н. И. Лапина[2].

[1] Под регионами здесь понимаются административно-территориальные единицы государства.

[2] Институт философии Российской академии наук. (н.д.). *О программе «Социокультурная эволюция регионов России»*. Дата обращения 22.09.2021, https://iphras.ru/page50052677.htm; Лапин, Н. И., Беляева, Л. А., Бойко, И. И., Касавина, Н. А., Когай, Е. А., Пасо-

Между тем малое количество данных о социокультурных особенностях российских регионов по международно признанным методикам определяет перспективность проведения региональных исследований, выделения общих культурных особенностей и региональных различий, которые могут иметь значение при проектировании экономической политики. В частности, такого рода данные могут быть полезны при анализе социокультурных «драйверов» и барьеров развития регионов, а также при институциональном проектировании, повышении эффективности работы формальных институтов за счет учета социокультурных особенностей жителей разных регионов и др.

Предмет исследования — различия в социокультурных характеристиках между отдельными регионами России. **Цель данной статьи** — выявить наличие или отсутствие различий в социокультурных характеристиках между регионами России. Для этого был проведен анализ данных о культурных особенностях по методике Г. Хофстеде, собранных в рамках комплексных исследований Института национальных проектов (ИНП) и Российской венчурной компании (РВК) в 2017–2020 гг.[1] Первая часть статьи посвящена методике Г. Хофстеде (Hofstede, 2001) и результатам страновых и региональных исследований. Во второй части статьи описаны данные и методология, использующиеся в настоящем исследовании. В третьей части статьи приведены выявленные в ходе проведенного анализа свидетельства социокультурных различий между российскими регионами.

Методика Г. Хофстеде и результаты страновых и региональных исследований

Исследования связи культуры и экономики, как правило, базируются на методиках количественного измерения культуры, обеспечивающих бóльшую операциональность. В данной статье для оценки социокультурных различий между регионами используется методика Г. Хофстеде (Hofstede, 2001), разработанная более 40 лет назад и позволяющая проводить межстрановые сравнения социокультурных характеристик (определения характеристик даны в табл. 1). Первые данные были получены с 1967 по 1973 г. по результатам опроса гомогенной выборки сотрудников

вец, Ю. М., ... & Немировская, А. В. (2016). *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы*. М.: Весь Мир.

[1] «Лонгитюдное исследование социокультурных факторов инновационной активности населения» (2018) и «Исследование социокультурных факторов инновационной активности населения России и разработка рекомендаций по использованию социокультурных характеристик для адаптации технологического предпринимательства и населения к социально-экономическим последствиям распространения в мире коронавирусной инфекции COVID-19» (2020). Наряду с социокультурными особенностями в рамках исследований анализировались также особенности отношения к инновационному развитию, новым технологиям, предпринимательству и др.

компании IBM. Предполагалось, что при прочих равных условиях подвыборки сотрудников одной компании в разных странах обладают схожим набором черт и отличаются друг от друга только по показателям культуры.

Методика Хофстеде на данный момент является наиболее широко используемой в кросс-культурных исследованиях на уровне стран (Beugelsdijk, Maseland 2010), проведено значительное число исследований о связи между характеристиками Г. Хофстеде и социально-экономическими показателями. Все это обусловило ее использование для целей данного исследования.

Таблица 1

Социокультурные характеристики, выделенные Г. Хофстеде[1]

Индивидуализм/ коллективизм (IDV)	Индивидуализм характерен для обществ, в которых связи между людьми слабы: каждый заботится только о себе и своих ближайших родственниках. В коллективистских обществах люди с самого рождения включены в сильные и сплоченные группы, которые в течение всей их жизни предоставляют им защиту в обмен на безусловную лояльность.
Дистанция власти (PDI)	Степень, в которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти.
Маскулинность/ феминность (MAS)	В маскулинных обществах ценятся достижительность, напористость, успех и конкурентность. В феминных — кооперация, умеренность, забота о слабых и качество жизни.
Избегание неопределенности (UAI)	Степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди боятся неопределенных и незнакомых ситуаций.
Долгосрочная/ краткосрочная ориентация (LTO)	Характеризует общества, в которых ценятся качества, нацеленные на получение наград в будущем, в частности, упорство и бережливость. В обществах с краткосрочной ориентацией важны ценности, связанные с прошлым и настоящим, в частности, уважение к традициям, «сохранение лица», выполнение социальных обязательств.

Источник: (Hofstede, 2001).

Согласно результатам исследования Г. Хофстеде (Hofstede et al., 2010), Россия отличается относительно высокими уровнями дистанции власти,

[1] Изначально Г. Хофстеде было выделено 4 характеристики (дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, избегание неопределенности). Позднее была добавлена характеристика «Долгосрочная ориентация» (изначально носившая название «Конфуцианский динамизм»). В 2010 г. Г. Хофстеде совместно с М. Минковым была добавлена характеристика «Потворство желаниям/сдержанность» (IVR), однако она пока не получила широкого распространения.

избегания неопределенности и долгосрочной ориентации (выше медианы). Индивидуализм и маскулинность находятся на уровне медианы по всем странам исследования.

Исследования культуры с использованием методики Г. Хофстеде также проводятся и на региональном уровне. Причем отсутствие выявленных различий между регионами Хорватии (Rajh et al., 2016), но зафиксированные различия между штатами Бразилии (Hofstede et al., 2010) позволяют предположить, что на существование социокультурных различий в стране могут влиять размер территории, этнолингвистический состав населения, религиозное разнообразие.

Проведенные в России исследования региональной культуры позволяют предположить существование межрегиональных различий в уровне индивидуализма (Латов и др., 2005), маскулинности (Дубицкая, 2015), индивидуализма, дистанции власти и маскулинности (Латов, Латова, 2007), а также индивидуализма, дистанции власти и избегания неопределенности (Аузан и др., 2017; Антонов и др., 2019). Исследование социокультурных характеристик студентов в разных регионах России, проведенное Институтом национальных проектов совместно с Тюнинг-центром ЭФ МГУ (подробнее см.: (Брызгалин, Никишина, 2020), показало, что у студентов дальневосточных и сибирских регионов индивидуализм выше, чем у студентов Поволжья, а избегание неопределенности выше у студентов южных регионов России (см. табл. 2).

При сопоставлении результатов различных исследований одним из ключевых становится вопрос типа выборки — репрезентативной или гомогенной. Для устранения социально-демографических различий Г. Хофстеде использовал выборку сотрудников одной компании (IBM) на схожих позициях — гомогенную выборку (Hofstede, 2001). Данный подход применяется не только в методике Г. Хофстеде, призывающего «сравнивать яблоки с яблоками» (Hofstede, 2013), но и в методиках Ш. Шварца, GLOBE (House et al., 2004) и др. Нивелирование влияния прочих факторов (корпоративной культуры, образования, дохода, профессии и т.д.), с одной стороны, и относительная доступность респондентов (при получении доступа к гомогенной группе), с другой, обусловили то, что большинство исследований (табл. 2) были проведены на основе гомогенных выборок.

Одно из наиболее близких к оригинальной методике Г. Хофстеде исследований по гомогенной выборке было проведено в России в 2016 г. (подробнее см. (Аузан и др., 2017). В 13 регионах России было опрошено 1 253 сотрудника (в среднем 90 человек на регион), занимающих сходные позиции в одной из финансовых организаций, имеющей филиалы во многих регионах России. Исследование показало, что наибольший размах вариации между российскими регионами наблюдается по характеристикам избегания неопределенности и дистанции власти, наименьший — по долгосрочной ориентации (см. Приложение А).

Таблица 2

Исследования социокультурных различий в российских регионах по методике Г. Хофстеде

Автор	Выборка	География исследования	Результаты
Наумов, А. И., Паффер, Ш., 1995–1996	250 студентов, преподавателей, специалистов, бизнесменов, негомогенная выборка	Поволжье, Московская область и Центральная Россия, Урал и Сибирь, север европейской части России, юг европейской части России и Северный Кавказ	• Слабая вариация показателей между регионами. • Наибольшая вариация значений по индивидуализму: наиболее индивидуалистичен юг европейской части России и Северный Кавказ, наименее индивидуалистичны Урал и Сибирь. • Наименьшая вариация значений по избеганию неопределенности.
Ядов, В. А., 2002	518 рабочих, мастеров, специалистов и руководителей заводов, гомогенная выборка	Самара, Муром, Волжск, Москва	• Значительные вариации показателей дистанции власти и маскулинности. Относительно высокие дистанция власти и маскулинность в Волжске, относительно низкие — в Самаре.
Латов, Ю.В, Латова, Н. В., 2007	557 респондентов в Нижегородской области и 545 респондентов в Ярославской области, негомогенная выборка	Нижний Новгород, Ярославль, Тула, Тюмень, Уфа	• Наличие «относительного ментального единства российской нации» в силу низкой вариации показателей. • Наибольшая вариация по показателям индивидуализма: относительно высокий индивидуализм в Уфе, относительно низкий — в Нижнем Новгороде.

Окончание табл. 2

Автор	Выборка	География исследования	Результаты
Дубицкая, ., 2003	1700 сотрудников российской энергетической компании; гомогенная выборка	10 экономических районов	• Значительная вариация по показателю маскулинности: наибольшее значения в Уральском регионе, наименьшее — в Волго-Вятском.
Латов, Ю. В., Латова, Н. В., 2005	2220 респондентов, репрезентативная выборка	Тула, Ставрополь, Тюмень	• Наличие вариации по показателям индивидуализма и избегания неопределенности. Относительно высокое избегание неопределенности и относительно низкий индивидуализм в Ставрополе, относительно высокий индивидуализм и относительно низкое избегание неопределенности в Тюмени. • Слабая вариация по показателям дистанции власти, маскулинности и долгосрочной ориентации.
Исследование ИНП, РВК, ЦСР 2016	1256 сотрудников на сходных позициях финансовой организации; гомогенная выборка	Москва, Архангельская область, Краснодарский край, Ленинградская область, Нижегородская область, Адыгея, Республика Дагестан, Республика Коми, Республика Татарстан, Свердловская область, Томская область, Хабаровский край, Ярославская область	• Наибольший размах вариации по характеристикам избегания неопределенности и дистанции власти. • Наименьший размах вариации по характеристике долгосрочной ориентации.

Источник: составлено авторами.

Несмотря на сильные стороны оценки культуры на гомогенных выборках, данный подход имеет ряд ограничений. Возможные специфические характеристики гомогенной выборки могут приводить к отсутствию внешней валидности результатов — зафиксированные различия могут быть специфическими для исследованной выборки (Minkov et al., 2015). Кроме этого, в разных регионах одна и та же должность может обладать разным социальным статусом / престижем, что может приводить к смещениям (Smith, 2002). Репрезентативные выборки позволяют решить эти проблемы (так как полностью отражают структуру населения в стране/регионе), однако при их использовании обостряется проблема влияния прочих факторов — так, социокультурные различия могут быть обусловлены не спецификой территории, а различиями в социально-демографической структуре (например, если в одном регионе население более молодое, чем в другом).

Ни у гомогенного, ни у репрезентативного подхода нет явного преимущества друг перед другом, однако тенденцией последних лет является более массовое использование репрезентативных выборок (Minkov, 2018; Beugelsdijk, Welzel, 2018). Новизна данной статьи заключается в том, что социокультурные характеристики регионов России анализируются на крупных (более 600 человек) репрезентативных выборках. В совокупности с предыдущими исследованиями результаты настоящего анализа позволяют получить более достоверную и полную картину социокультурной карты России.

Данные и методология исследования

Данные. Опросы были проведены в 2018 и 2020 гг. Институтом национальных проектов[1] и Российской венчурной компанией в 14 регионах[2] России (10 регионов в 2018 г. и 5 регионов — в 2020 г.; г. Москва была включена в опрос дважды[3]), различающихся по социально-экономическим, географическим и этнолингвистическим характеристикам и представляющим все федеральные округа страны[4].

---

[1] Сбором данных занималась социологическая компания Ipsos Comcon.

[2] В 2018 г. опрос был проведен в Калужской обл., Красноярском кр., г. Москва, Новгородской обл., Республике Саха (Якутия), Республике Северная Осетия — Алания, Республике Татарстан, Ростовской обл., Ульяновской обл., Челябинская обл. В 2020 г. — в г. Москва, Нижегородской обл., Пермском кр., Республике Бурятия, Томской обл.

[3] Далее в анализе используются данные по Москве за последний доступный (2020) год. При этом статистический анализ не показал значимых изменений по характеристикам Г. Хофстеде в г. Москве в 2020 г. по сравнению с 2018-м, за исключением показателя индивидуализма: данная характеристика у жителей Москвы выросла.

[4] Подробнее см.: Антонов, Е. В., Аузан, А. А., Брызгалин, В. А., Вороненко, В. А., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., & Трухачев, С. А. (2019). *Социокультурные факторы инновационной активности населения.* М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания; РВК, ИНП (2020) Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса. Фрагмент исследовательского отчета. https://www.rvc.ru/upload/ iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf.

По результатам опросов получены 9080 наблюдений, не менее 600 наблюдений в каждом регионе. Опрос проведен методом телефонного интервью по квотной стратифицированной выборке, комбинированной с отбором респондентов по случайным телефонным номерам. Ошибка выборки для регионального опроса (при доле признака 50%) составляет 4%. Выборка респондентов репрезентирует регион по полу, возрасту, образованию и размеру населенного пункта проживания.

Методология. Для выявления социокультурных характеристик Г. Хофстеде использовалась методика Values Survey Module 2013 (VSM 2013)[1]. Опросник из методики был адаптирован под формат телефонного опроса: шкалы ответов были перевернуты под более привычный для российских респондентов формат (1 — низкая оценка, 5 — высокая оценка) для более легкого восприятия (при расчете индексов ответы переворачивались обратно в шкалу оригинальной методики), вариант ответа «затрудняюсь ответить» не зачитывался и отмечался оператором при соответствующем высказывании респондента.

Расчет характеристик Хофстеде состоял из двух этапов. На первом этапе на основе ответов на вопросы и в соответствии с формулами и весами, представленными на сайте Г. Хофстеде[2], были рассчитаны базовые значения характеристик. На втором этапе все характеристики были стандартизированы от 0 до 100 таким образом, чтобы минимальным теоретически возможным значением был 0, максимальным — 100. В результате были получены формулы для дистанции власти ((PDI + 240) / 4,8), индивидуализма ((IDV + 280) / 5,6), маскулинности ((MAS + 280) / 5,6), избегания неопределенности ((UAI + 260) / 5,2) и долгосрочной ориентации ((LTO + 260) / 5,2). Варианты «Отказ от ответа» и «Затрудняюсь ответить» не учитывались при расчетах.

Для выявления социокультурных различий между регионами использовалось два метода[3]. Сравнение регионов проводилось с использованием однофакторного дисперсионного анализа, позволяющего сравнивать среднее значение между группами. Поскольку задача состояла в попарном сравнении нескольких групп, для устранения эффекта множественных сравнений использовался критерий Тьюки (Tukey's honestly significant difference test) (Montgomery, 2013).

Сравнение средних позволяет получить общую картину уровня социокультурных характеристик для регионов, однако не позволяет учитывать социально-демографические различия между ними. Например, различие

---

[1] Values Survey Module 2013. https://geerthofstede.com/research-and-vsm/vsm-2013/.

[2] Формулы расчета представлены на сайте: https://geerthofstede.com/research-and-vsm/vsm-2013/

[3] Значения характеристик Хофстеде интерпретируются только при сравнении регионов друг с другом. В силу различия опросных выборок и методики стандартизации не представляется возможным сравнение значения в регионах со страновыми значениями с сайта Хофстеде.

в уровне избегания неопределенности между регионами может быть обусловлено не социокультурными различиями между ними, а возрастной структурой населения — ряд исследований показывают, что люди старшего возраста чаще склонны к избеганию риска, чем молодые (Albert, Duffy, 2012).

Для устранения этой проблемы использовался экологический подход (ecological approach)[1]. Его суть заключается в построении регрессий на индивидуальном уровне, в которых зависимой переменной являются социокультурные характеристики, а объясняющими — набор социально-демографических характеристик респондентов и бинарные переменные, отвечающие за регион проживания. Существование различий между регионами признается в случае, если при контроле на прочие факторы различия в коэффициентах между регионами оказываются статистически значимыми на 1%-ном уровне[2]. Использование широкого набора контрольных переменных является особенно важным в условиях социальной и экономической неоднородности регионов — это позволяет с большей уверенностью говорить о том, что найденные различия отражают устойчивые и широко распространенные в регионе нормы и ценности и не являются отражением социально-экономической структуры региона.

Социокультурные различия между российскими регионами: результаты социологического опроса

В табл. 3 содержатся средние значения каждой из характеристик Г. Хофстеде по регионам исследования, рассчитанные на основе формул,

---

[1] В данной работе под экологическим подходом подразумевается рассмотрение культурных характеристик на агрегированном (макро) уровне после нивелирования индивидуальных социально-демографических характеристик респондентов. Это позволяет рассматривать культуру как групповую характеристику и частично «очищает» ее от воздействия индивидуальных факторов. Аналогичный подход был использован в том числе в работе Я. Алгана и П. Каю (Algan, Cahuc, 2010).

[2] В качестве контрольных переменных были использованы показатели пола, возраста (в том числе возраст в квадрате для учета нелинейной зависимости между возрастом и социокультурными характеристиками), уровня образования (неполное среднее (9 классов и меньше); среднее (законченная средняя школа, ПТУ); среднее специальное (техникум и т.д.); высшее/незаконченное высшее), уровня дохода (ответ на вопрос «Какое высказывание точнее описывает уровень дохода вашей семьи? Денег не хватает даже на питание; на питание денег хватает, но одежду и обувь купить не можем; на одежду и обувь денег хватает, но крупную бытовую технику купить не можем; на крупную бытовую технику денег хватает, но автомобиль купить не можем; на автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем; на квартиру или дом денег хватает»), размера населенного пункта проживания (населенный пункт менее 50 тыс. жителей, от 50 до 250 тыс. жителей, больше 250 тыс. жителей), а также рода занятий человека (предприниматель, руководитель высшего звена, руководитель подразделения, служащий, специалист, рабочий, безработный, студент, неработающий пенсионер).

Таблица 3

Результаты: метод сравнения средних

	Индивидуализм	Дистанция власти	Избегание неопределенности	Долгосрочная ориентация	Маскулинность
Калужская обл. (1)	49 [3] (8)	54,7 (14)	47,4	50,2(13)	43,8
Новгородская обл. (2)	49,5 [3] (8,14)	53,9	48 (14)	51,2	45,2
Москва (3)	53,9 [1-2,4-14]	55,9 [7,14]	47,5 (14)	50,9	44,2
Нижегородская обл. (4)	50,5[3,8] (14)	54,7 (14)	46,6 (9)	50,9	43,9
Татарстан (5)	49,8[3] (8)	52,9 (9)	46,4	50,6	44,2
Красноярский край (6)	49,8 (8)	55 (14)	46	51,1	43,8
Якутия (7)	49,4[3] (8)	52,3 [3,9]	45,1[9]	50,2(13)	44,8
Северная Осетия (8)	47,3[3,4,10,12,13] (1,2,5–7,9,11)	54,2 (14)	47,9 (12,14)	49,7[13]	44,2
Ростовская обл. (9)	49,6 [3] (8)	55,7 [7,14] (5,12)	48,2[7,14] (4,12)	50,8	43,9
Ульяновская обл. (10)	50,5 [3] (8,14)	54,1	48,1[14] (12)	51,4	43,6
Челябинская обл. (11)	49,9 [3] (8,14)	54,6 (14)	46,6	51,4	43,8
Пермский край (12)	50 [3,8] (14)	53,2(9)	45,8 (8–10)	51,4	45,5
Томская обл. (13)	50,5 [3,8] (14)	54,1(14)	46,4	52,5[8] (1,7,14)	44,2
Бурятия (14)	48,5[3] (2,4,10–13)	51,5[3,6,9] (1,4,8,11,13)	45 [9] (2,3,8,10)	50,7(13)	45,7

Примечание: Бурятия, Москва, Нижегородская область, Пермский край и Томская область по данным опроса в 2020 г., остальные регионы — в 2018 г. В правом верхнем углу каждой ячейки указаны номера регионов исследования, от которых статистически значимо отличается данный регион. Вне скобок (и без полужирного выделения) указаны регионы, с которыми у региона по строке выявлены значимые на 1%-ном уровне различия как на основе экологического подхода (с учетом социально-демографических различий), так и на основе теста Тьюки. В скобках с полужирным выделением указаны регионы, с которыми у региона по строке зафиксированы статистически значимые на 1%-ном уровне различия, выявленные экологическим подходом, но не зафиксированные тестом Тьюки.

Источник: рассчитано на данных региональных опросов, проведенных ИНП и РВК в 2018 и 2020 гг.

приведенных выше. При этом важно отметить, что в соответствии с методологией Г. Хофстеде значение имеют не абсолютные, а относительные значения показателей[1].

Для каждого региона в правом верхнем углу ячейки приведены номера регионов, с которыми у него существуют статически значимые различия по данной культурной характеристике, выявленные как на основе однофакторного дисперсионного анализа (методом Тьюки), так и на основе использования экологического подхода. Регионы, с которыми зафиксированы статистически значимые различия на 1%-ном уроне только на основе экологического подхода (при контроле социально-демографических характеристик респондентов), указаны в скобках полужирным шрифтом[2]. Например, в левой верхней ячейке (на пересечении строки «Калужская обл. (1)» и «Индивидуализм») 49 — это среднее значение индивидуализма в Калужской области, цифра 3 в правом верхнем углу ячейки означает, что и экологический подход, и однофакторный дисперсионный анализ показывают наличие статистически значимых различий по индивидуализму с г. Москва, а цифра 8 — что по экологическому подходу зафиксированы статистически значимые различия с Северной Осетией.

На основе таблицы можно сделать несколько общих наблюдений. Во-первых, различия между регионами являются умеренными. Этот результат соответствует выводу ряда работ о том, что культурные различия между регионами меньше, чем различия между странами (Minkov, Hofstede, 2014; Obradovich et al., 2020). Во-вторых, не зафиксировано региональных различий по характеристике маскулинности. Это может быть вызвано гомогенностью российских регионов по ней[3]. Также минимальны различия по показателю долгосрочной ориентации, что соответствует результатам предыдущих исследований (Аузан и др., 2017; Брызгалин, Никишина, 2020; Латов, Латова, 2005). В-третьих, крайние значения относительно

---

[1] В соответствии с методологией Г. Хофстеде величина значения не позволяет делать вывод о выраженности характеристики по сравнению с другими странами без проведения специальной процедуры «якорения» (Hofstede, 2013), но позволяет сравнивать между собой те страны/регионы, которые принимали участие в исследовании.

[2] Случаи, когда существует статистическая значимость при применении однофакторного дисперсионного анализа, но исчезает при применении экологического подхода, были редки и не приведены из-за того, что вызваны социально-демографическими различиями между регионами (а не социокультурными). Наиболее значимые корректировки в результате применения экологического подхода были зафиксированы для Якутии по показателю «Избегание неопределенности»: однофакторный дисперсионный анализ показал наличие различий с Новгородской областью, Ульяновской областью и Северной Осетией, однако они были обусловлены значительной долей молодого населения в Якутии (более молодые люди обладают меньшим уровнем избегания неопределенности).

[3] Характеристика «маскулинность-феминность» подвергается критике в последних работах из-за невозможности воспроизвести ее на данных, отличных от использованных Г. Хофстеде (Minkov, 2018).

других регионов обычно наблюдаются у национальных республик (Северная Осетия, Бурятия) и Москвы. Подробнее результаты по каждой характеристике разобраны ниже.

Индивидуализм/коллективизм. По индивидуализму наряду с дистанцией власти наблюдаются наиболее значимые различия между регионами. В Москве уровень индивидуализма относительно выше, в Северной Осетии и Бурятии — относительно ниже. Данный результат соответствует результатам оценки уровня индивидуализма в российских регионах по альтернативным методикам (Maklasova, Tatarko, 2019).

Межстрановые исследования показывают, что индивидуализм положительно связан с экономическим ростом (Gorodnichenko, Roland, 2011), демократизацией общества (Gorodnichenko, Roland, 2021) и его инновационным развитием (Taylor, Wilson, 2012; Chen et al., 2017). Положительная связь с инновациями может объясняться тем, что в индивидуалистических культурах новые, нестандартные решения поощряются обществом, так как люди стремятся отличаться друг от друга и ценят разнообразие (Chen et al., 2017). Также индивидуализм связан со склонностью к самоуверенности, даже переоценке своих возможностей, что ведет к большей готовности к инновационным решениям (Markus, Kitayama, 1991). В коллективистских сообществах, напротив, для людей характерен внешний локус контроля (Taras et al., 2010), что может проявляться в меньшей инициативности людей при решении любых возникающих сложностей. В то же время исследования показывают, что в коллективистских сообществах люди чаще ассоциируют себя с организациями, в которых они работают; при прочих равных условиях для них более важно соблюдение групповых обязательств (Taras et al., 2010), что также может быть ресурсом развития.

Региональные различия по данному показателю позволяют предположить перспективность учета этой характеристики в социально-экономическом развитии.

Дистанция власти. Высокая дистанция власти свойственна России в целом (согласно данным исследования Г. Хофстеде), однако внутри страны есть различия. Относительно низкие показатели наблюдаются в национальных республиках (кроме Северной Осетии): в Бурятии (минимальные значения в выборке), Якутии и Татарстане. Относительно более высокие значения зафиксированы в Ростовской области.

Низкий уровень дистанции власти положительно связан с инновационным развитием (Varsakelis, 2001; Williams, McGuire, 2010), что может свидетельствовать о наличии социокультурного потенциала для органичного развития инноваций в национальных республиках (при появлении соответствующих условий).

Отметим, что сочетание относительно низкой дистанции власти и относительно высокого уровня коллективизма практически не встречается

на кросс-страновых выборках (Hofstede, 2001), в связи с чем даже появилось мнение о необходимости объединения этих характеристик в одну (Minkov, 2018). Сочетание относительно высокого коллективизма и относительно низкой дистанции власти в ряде регионов выборки является аргументом в пользу сохранения разделения двух характеристик и актуализирует дальнейшие исследования по данному вопросу.

Избегание неопределенности. Среди исследуемых регионов относительно низкий уровень избегания неопределенности наблюдаются в Республике Бурятия, Республике Якутия[1] и Пермском крае, относительно высокий — в Ростовской области (высокие значения избегания неопределенности в Южном федеральном округе были также отмечены в исследовании на выборке студентов (Брызгалин, Никишина, 2020).

Избегание неопределенности отрицательно связано с инновационным развитием (Shane, 1993; Williams, McGuire, 2010): производство инноваций требует готовности к изменениям и толерантности к неопределенности. В исследовании С. Шейна (Shane, 1993) именно этот показатель оказался наиболее значимым для инновационного развития (в сравнении с другими характеристиками Г. Хофстеде). Относительно низкий уровень избегания неопределенности в Бурятии и Пермском крае при прочих равных условиях может быть социокультурным преимуществом, в то время как в Ростовской области это может быть сдерживающим фактором для развития инноваций.

Долгосрочная ориентация. По показателю долгосрочной ориентации российские регионы в целом достаточно гомогенны, однако результаты анализа демонстрируют относительно более высокий уровень долгосрочной ориентации в Томской области по сравнению с Северной Осетией, Якутией, Бурятией и Калужской областью. Недавние исследования показывают положительную связь между долгосрочной ориентацией и результатами в области образования, например, положением в ренкинге PISA по математике (Minkov, 2018) — более высокие значения долгосрочной ориентации в Томской области могут свидетельствовать о перспективности дальнейшего развития региона как важного образовательного центра[2].

Социокультурная кластеризация регионов. Социально-экономическое разнообразие регионов России обусловливает интерес к выстраиванию региональной политики, учитывающей схожесть и различия регионов.

---

[1] Эконометрический анализ показывает, что низкие значения избегания неопределенности в Якутии по сравнению с другими регионами во многом обусловлены молодой структурой населения.

[2] По данным рейтинга QS, в 2019 г. Томск занял 73-ю строчку в рейтинге самых привлекательных студенческих городов мира, среди российских городов уступив только Москве и Санкт-Петербургу. https://www.topuniversities.com/city-rankings/2019.

Наиболее известными в этом плане являются работы в области экономической географии, в которых на основе социально-экономических параметров выделяются различные кластеры / группы регионов (Григорьев и др., 2011; Зубаревич, 2012).

Системный подход к группировке регионов с учетом факторов социокультурного разнообразия был предпринят Лабораторией исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы (ЛИСОМО РЭШ) в 2017 г. (подробнее см. (Аузан и др., 2017). Классификация была основана на данных, описывающих языковое, лингвистическое, религиозное разнообразие, особенности исторического развития и электорального поведения, и содержала описание характерных для группы ценностей и установок. Всего авторами исследования были выделены четыре группы:

Группа 1. Родным языком большей части населения является русский; население демонстрирует большую готовность к предпринимательской/инновационной деятельности и меньшую приверженность патерналистским ценностям.

Группа 2. Родным языком большей части жителей является русский; население демонстрирует меньшую склонность к инновационной активности и предпринимательской деятельности в целом.

Группа 3. В регионах данной группы существенную долю населения составляют люди с одним и тем же родным языком, отличным от русского.

Группа 4. В регионах данной группы присутствует большое число различных этнических групп, языки которых также соответственно различны.

Несмотря на то что данная классификация содержала описание ключевых ценностей и установок, характерных для группы, сами по себе данные о ценностях и установках не являлись фактором группировки.

В свою очередь, анализ культурной близости 14 регионов исследования показывает, что «культурные расстояния» между регионами не объясняются исключительно социально-экономическими, географическими или этническими факторами. Об этом свидетельствуют и рис. 1, на котором представлено положение регионов в пространстве двух характеристик (индивидуализм-коллективизм и дистанция власти), по которым наблюдается наиболее существенный разброс между регионами, и кластерный анализ, проведенный на основе пяти культурных характеристик модели Хофстеде (на основе экологического подхода)[1].

[1] Кластеризация проводилась по коэффициентам, извлеченным с помощью экологического подхода. Использовалась иерархическая кластеризация методом Варда на основе евклидова расстояния.

Рис. 1. График рассеивания по показателям индивидуализма и дистанции власти
Примечание: на оси X отражено значение индивидуализма,
на оси Y — дистанции власти.
Оба показателя извлечены с помощью экологического подхода.
Источник: рассчитано на данных региональных опросов,
проведенных ИНП и РВК в 2018 и 2020 гг.

Применение кластерного анализа, опирающегося на различные меры расстояния[1], показывает, что разные в социально-экономическом и географическом плане Новгородская, Ульяновская, Томская, Калужская, Нижегородская, Челябинская области и Красноярский край тяготеют к одному кластеру. Принадлежность Ростовской области и Пермского края к тому или иному кластеру варьируется в зависимости от выбранного метода расчета, однако во всех случаях наблюдаются их специфика относительно других регионов выборки. Национальные республики зачастую выделяются в отдельные группы и лишь в некоторых случаях оказываются близки друг к другу (исключением являются Татарстан и Якутия — несмотря на этнические и географические различия, оба региона оказываются близки друг к другу вне зависимости от выбранного способа кластеризации). В отдельный кластер выделяется Москва.

Все вместе это означает, что при выстраивании региональной политики и группировке регионов важно учитывать не только социально-экономические характеристики и факторы социокультурного разнообразия, но и социокультурные особенности населения.

[1] Использовались метод Варда, методы ближайшего соседа и межгрупповой связи.

Выводы и дискуссия

Наличие культурных различий между странами и их влияние на экономическое развитие уже давно не подвергаются сомнению. Региональные же различия, присутствующие внутри стран с большой территорией, значительным этническим и/или языковым разнообразием, существенной вариацией в уровне социально-экономического развития и пр., все еще мало изучены.

В данной работе были выявлены следующие социокультурные особенности российских регионов по методике Г. Хофстеде:

1. Статистически значимые различия обнаружены по показателям индивидуализма и дистанции власти (более выражены), а также по избеганию неопределенности и долгосрочной ориентации (менее выражены).
2. Наиболее индивидуалистична Москва, наименее индивидуалистичны Северная Осетия и Бурятия.
3. Относительно высокая дистанция власти — в Ростовской области, относительно низкая — в национальных республиках (кроме Северной Осетии).
4. Относительно высокое избегание неопределенности — в Ростовской области, относительно низкое — в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия и Пермском крае.
5. Относительно высокая долгосрочная ориентация — в Томской области.
6. На основе социокультурных характеристик регионы могут быть сгруппированы в кластеры, при этом тяготение конкретных регионов друг к другу не может быть объяснено по отдельности географическими, социально-экономическими или этническими факторами.

На практике полученные выводы могут использоваться при анализе социокультурных «драйверов» и барьеров развития регионов; при проектировании институтов, использующих преимущества, обусловленные культурой; при гармонизации существующих формальных и неформальных институтов, а также при проектировании изменений культуры (в том числе за счет корректировки образовательных, информационных и просветительских программ) (Аузан, Никишина, 2021). Использование знаний о социокультурных особенностях регионов также может повысить эффективность инструментов прогнозирования реакции населения на изменения (например, внедрение новых технологий или мер, связанных со сдерживанием пандемии), а также эффективность инструментов поведенческой экономики, адаптированных под специфику региона (Брызгалин, Никишина, 2020).

В то же время важно отметить перспективность продолжения исследований региональных социокультурных особенностей. Во-первых, ре-

гиональный охват (14 регионов) остается недостаточным для формирования достоверных выводов о социокультурных паттернах по Г. Хофстеде во всех российских регионах. В частности, отсутствие данных по дальневосточным регионам (например, Приморскому или Хабаровскому краю) не позволяет подтвердить вывод о более высоких уровнях индивидуализма по мере продвижения на восток России (Брызгалин, Никишина, 2020; Maklasova, Tatarko, 2019).

Во-вторых, пандемия коронавируса (как серьезный внешний шок) могла привести к социокультурным (вероятно, общим для всех регионов) изменениям[1], что обусловливает актуальность повторных замеров, анализа изменений и их устойчивости во времени.

Кроме того, в целях повышения эффективности региональной политики представляются перспективными разработка аналитического инструментария, учитывающего как социально-экономические, так и социокультурные характеристики регионов России. Такой инструментарий — в формате карты/матрицы/типологии — мог бы обеспечить базу для принятия основанных на данных решений федеральными и региональными органами власти.

Список литературы

Антонов, Е. В., Аузан, А. А., Брызгалин, В. А., Вороненко, В. А., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., & Трухачев, С. А. (2019). *Социокультурные факторы инновационной активности населения.* М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания.

Аузан, А. А., Авдиенкова, М. А., Андреева, Д. А., Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Бутаева, К. О., Вебер, Ш., Давыдов, Д. В., Золотов, А. В., Никитин, К. М., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., & Ставинская, А. А. (2017). *Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ.* М.: Центр стратегических разработок.

Аузан, А. А., Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., & Ставинская, А. А. (2020). Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка. *Вопросы экономики*, 7, 75–91.

Аузан А. А., & Никишина Е. Н. (2021) Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Брызгалин, В. А., & Никишина, Е. Н. (2020). Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике. *Вопросы экономики, 7,* 108–126.

Григорьев, Л. М., Зубаревич, Н. В., Хасаев, Г. Р., Иванов, Д. С., Кондратьев, С. В., Салихов, М. Р., ... Шаститко, А. Е. (2011). *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации.* ООО «ТЕИС».

[1] В то же время данные исследований, проведенных в Москве в 2018 и 2020 гг., показали, что за время пандемии изменилась только одна характеристика — вырос показатель индивидуализма.

Дубицкая, В. (2015). *Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров*. М.: Альпина Паблишер.

Зубаревич, Н. В. (2012). Современная Россия: география с арифметикой. *Отечественные записки,* 46(1), 55–64.

Лапин, Н. И., Беляева, Л. А., Бойко, И. И., Касавина, Н. А., Когай, Е. А., Пасовец, Ю. М., ... & Немировская, А. В. (2016). *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы*. М.: Весь Мир.

Латов, Ю. В., & Латова Н. В. (2007). Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г . Хофстеда. *Мир России*, 4, 43–72.

Латов, Ю. В., Латова, Н. В., & Николаева, С. И. (2005). *Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России: взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности*. М.: Директмедиа Паблишинг.

Лебедева, Н. М., & Ясин, Е. Г. (2009). Культура и инновации: к постановке проблемы. *Форсайт, 3*(2), 16–26.

РВК, ИНП (2020) Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса. Фрагмент исследовательского отчета. https://www.rvc.ru/upload/ iblock/fd8/ RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf.

Ядов В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества. *Россия реформирующаяся, 2,* 349–363.

Albert, S. M., & Duffy, J. (2012). Differences in risk aversion between young and older adults. *Neuroscience and neuroeconomics, 1.*

Algan Y, & Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review, 100*(5), 2060–2092. https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060

Algan Y, & Cahuc P. (2014). Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. *Handbook of Economic Growth, 2,* 49–120. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2

Beugelsdijk S, & Maseland R. (2010). Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications. *Cambridge University Press*. https://doi.org/ https://doi.org/10.1017/CBO9780511761539

Beugelsdijk S, Maseland R, & Van Hoorn A. (2015). Are Scores on Hofstede's Dimensions of National Culture Stable over Time? A Cohort Analysis. *Global Strategy Journal, 5*(3), 223-240. https://doi.org/10.1002/gsj.1098

Beugelsdijk S, & Welzel C. (2018). Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 49*(10), 1469–1505.

Chen Y, Podolski E J, & Veeraraghavan M. (2017). National culture and corporate innovation. *Pacific-Basin Finance Journal, 43,* 173–187. https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2017.04.006

Gorodnichenko Y, & Roland G. (2011). Which dimension of culture matter for long run economic growth? *The American Economic Review, 101*(3), 492–498. https://doi.org/10.1257/aer.101.3.492

Gorodnichenko Y, & Roland G. (2021). Culture, institutions and democratization. *Public Choice, 187,* 165–195. https://doi.org/10.1007/s11127-020-00811-8

Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors and organisations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.

Hofstede, G., Hofstede G. J., & Minkov M. (2010), *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd Edition*. New York: McGraw-Hill USA.

Hofstede, G. (2013). Replicating and Extending Cross-National Value Studies: Rewards and Pitfalls — An Example from Middle East Studies. *AIB Insights, 13*(2), 5–7.

House, R. J., Hanges, P. J., Javidan, M., Dorfman, P. W., & Gupta, V. (eds.) (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies.* Sage publications.

Hofstede G., Garibaldi de Hilal A. V., Malvezzi S., Tanure B., & Vinken H. (2010). Comparing regional cultures within a country: Lessons from Brazil. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 41*(3), 336–352. https://doi.org/ 10.1177/0022022109359696

Maklasova, E., & Tatarko, A. (2019). The Interaction Of Climate And Economy As A Factor Of Collectivism In The Regions Of Russia. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP, 109.*

Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological review, 98*(2), 224.

Minkov, M, Bond, M H, & Blagoev V. (2015). Do different national samples yield similar dimensions of national culture? *Cross Cultural Management,* 22(2), 259–277.

Minkov, M, Bond, M H, Dutt, P, Schachner, M, Morales, O, Sanchez, C, ... Mudd, B. (2018). A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries. *Cross-Cultural Research, 52*(3), 309–333. https://doi.org/10.1177/1069397117727488

Minkov, M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural and Strategic Management, 25*(2), 231–256. https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033

Montgomery, D. C. (2013). *Montgomery Design and Analysis of Experiments Eighth Edition*. John Wiley & Sons.

Naumov, A., & Puffer, S. (2000). Measuring Russian culture using Hofstede's dimensions. *Applied psychology, 49*(4), 709–718. https://doi.org/https://doi.org/10.1111/1464-0597.00041

Obradovich N, Özak Ö, Martín I, Ortuño-Ortín I, Awad E, Cebrián M, ... Cuevas Á. (2020). Expanding the measurement of culture with a sample of two billion humans. *National Bureau of Economic Research*.

Rajh, E., Budak, J., & Anić, I.-D. (2016). Hofstede's culture value survey in Croatia: Examining regional differences. *Drustvena Istrazivanja, 25*(3), 309–327. https:// doi.org/10.5559/di.25.3.02

Shane, S. (1993). Cultural influences on national rates of innovation. *Journal of Business Venturing, 8*(1), 59–73. https://doi.org/https://doi.org/10.1016/0883-9026(93)90011-S

Smith, P. B, Peterson, M. F, & Schwartz, S. H. (2002). Cultural values, sources of guidance, and their relevance to managerial behavior: A 47-nation study. *Journal of cross-cultural Psychology, 33*(2), 188–208.

Taras, V., Kirkman, B. L., & Steel, P. (2010). Examining the impact of Culture's consequences: a three-decade, multilevel, meta-analytic review of Hofstede's cultural value dimensions. *Journal of applied psychology, 95*(3), 405.

Taylor, M. Z., & Wilson, S. (2012). Does culture still matter? The effects of individualism on national innovation rates. *Journal of Business Venturing, 27*(2), 234–247. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2010.10.001

Varsakelis, N. C. (2001). The impact of patent protection, economy openness and national culture on R&D investment: a cross-country empirical investigation. *Research policy, 30*(7), 1059–1068.

Williams, L. K. & McGuire, S. J. J. (2005). Effects of National Culture on Economic Creativity and Innovation Implementation. *The Institution of Market Exchange 2005*. Conference proceedings, Barcelona, International Society for the New Institutional Economics.

References

Antonov, E. V., Auzan, A. A., Bryzgalin, V. A., Voronenko, V. A., Zolotov, A. V., Nikishina, E. N., Pripuzova, N. A., & Trukhachev, S. A. (2019). *Sociocultural factors of population innovation activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company.

Auzan, A. A., Avdienkova, M. A., Andreeva, D. A., Bakhtigaraeva, A. I., Bryzgalin, V. A., Butaeva, K. O., Weber, S., Davydov, D. V., Zolotov, A. V., Nikitin, K. M., Nikishina, E. N., Pripuzova, N. A., & Stavinskaya, A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms.* Moscow: Center for Strategic Research.

Auzan, A. A., Bakhtigaraeva, A. I., Bryzgalin, V. A., Zolotov, A. V., Nikishina, E. N., Pripuzova, N. A., & Stavinskaya, A. A. (2020). Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives. *Voprosy economiki, 7,* 75–91.

Auzan, A.A, & Nikishina, E. N., (2021). *Cultural economics: how culture affects the economy, and the economy affects culture: a course of lectures*. M.: Economic faculty MSU M. V. Lomonosov.

Bryzgalin, V. A., & Nikishina, E. N., (2020). Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics. *Voprosy economiki, 7,* 108–126.

Grigoriev, L. M., Zubarevich, N. V., Khasaev, G. R., Ivanov, D. S., Kondratyev, S. V., Salikhov, M. R., ... Shastitko, A. E. (2011). *Russian regions: economic crisis and problems of modernization*. LLC "TEIS".

Dubitskaya, V. (2015). *Copied capitalism: Illusions of effective managers*. Moscow: Alpina Pablisher.

Zubarevich, N. V. (2012). Modern Russia: Geography with Arithmetic. *Otechestvennye zapiski, 46*(1), 55–64.

Lapin, N. I., Belyaeva, L. A., Boyko, I. I., Kasavina, N. A., Kogai, E. A., Pasovets, Yu. M.,... & Nemirovskaya, A. V. (2016). *Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Issues.* Moscow: Ves Mir.

Latov, Yu. V., & Latova, N. V. (2007). Findings and paradoxes of ethnometric analysis of Russia's economic culture according to Hofstede. *Mir Rossii, 4,* 43–72.

Latov, Yu. V., Latova, N. V., & Nikolaeva, S. I. (2005). *Routine shadow economy and national economic mentality in modern Russia: Relationship between Hofstede indices and indicators of shadow economy activities*. Moscow: Direktmedia Publishing.

Lebedeva, N., & Yasin, E. (2009). Culture and Innovation: Towards a Problem Statement. *Foresight, 3*(2), 16–26.

RVC, INP (2020) Public attitudes towards new technologies during the coronavirus crisis. Research report (Fragment). https://www.rvc.ru/upload/ iblock/fd8/RVC_attitudes_to_ technologies_report2020_fragment.pdf.

Yadov, V. A. (2002). Sociological foundations for the forecast of the Russian future society. *Rossiya Reformiruyushchayasya, 2,* 349–363.

Приложение А

Таблица А.1

Значения характеристик Хофстеде по гомогенной выборке исследования 2016 г.[1]

	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределенности	Долгосрочная ориентация
Краснодарский край (1)	55,2	51,1	49,6	52	51,8
Ленинградская обл. (2)	52,4 (11,13)	50,1	45, 9	54,2	50,2
Москва (3)	53,8	48,5	49,7	50,4 (4,11)	49,9
Нижегородская обл. (4)	53,9	51,5 (5,12)	48,8	56,3 (3,5,8)	51,6
Дагестан (5)	50 13 (9,11)	47,6 (4,13)	51	49,2 11 (4,13)	49,6
Татарстан (6)	54,1	49,9	47,9	53,6	50,6
Свердловская обл. (7)	52,9	49,5	50,4	52,5	52,2
Томская обл. (8)	52,3 (13)	50	50,4	51,4 (4,11,13)	52,2
Хабаровский край (9)	56,3 (5)	49,3	49,1	54,6	51,9
Ярославская обл. (10)	55	49,8	50	52,9	50,4
Архангельская обл. (11)	56,4 (2.5)	49,9	49,7	57,1 5 (8,3)	51,2
Адыгея (12)	52,2 (13)	48,2 (4)	50,6	54,2	49,8
Коми (13)	56,8 5 (2,8,12)	51 (5)	50,1	55,7 (5,8)	51,3

Примечание: в правом верхнем углу каждой ячейки указаны номера регионов исследования, от которых статистически значимо отличается данный регион. Не в скобках (и без полужирного выделения) указаны регионы, с которыми у региона по строке выявлены значимые на 1%-ном уровне различия как на основе экологического подхода (с учетом социально-демографических различий), так и на основе теста Тьюки. В скобках с полужирным выделением указаны регионы, с которыми у региона по строке зафиксированы статистически значимые на 1%-ном уровне различия, выявленные экологическим подходом, но не зафиксированные тестом Тьюки (с учетом социально-демографических различий). При экологическом подходе контроль проводился на пол, возраст, уровень образования и уровень дохода респондентов.

Источник: рассчитано на данных региональных опросов сотрудников организации, осуществляющей свою деятельность в финансовой сфере, проведенных Институтом национальных проектов в 2016–2017 гг. по заказу ЦСР, а также данных социологического опроса «Поведенческие и институциональные предпосылки технологического развития регионов РФ», проведенного коллективом авторов в составе Виктора Вахштайна, Павла Степанцова, Юлии Чурсиной и Светланы Бардиной в интересах «РВК».

[1] Аузан, А. А., Авдиенкова, М. А., Андреева, Д. А., Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Бутаева, К. О., Вебер, Ш., Давыдов, Д. В., Золотов, А. В., Никитин, К. М., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., Ставинская, А. А. (2017). *Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ.* М.: Центр стратегических разработок.